

УДК 316.32:2

РЕЛИГИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ СУПЕРСИСТЕМЕ**Федотова Марина Геннадьевна,**
fmg@bk.ruОмский государственный технический университет,
Россия, 644050, г. Омск, пр. Мира, 11.**Федотова Марина Геннадьевна**, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета.

Актуальность исследования связана со сложностью и неоднозначностью протекания процесса глобализации в религиозной сфере, а также потребностью в поиске новых методов исследования глобализации, которые не ограничиваются констатацией её объективности и амбивалентности, перечислением положительных и отрицательных сторон. **Цель работы:** обосновать применение системного подхода и теории социальных полей П. Бурдьё для анализа глобализации в религиозном дискурсе. **Методы исследования:** системный и структурно-функциональный анализ социальных полей, с помощью которых выявлены области дискурса, различающиеся по целям акторов, социальным функциям и содержанию религиозного дискурса о глобализации. **Результаты.** Выявлены социальные поля, оказывающие наиболее существенное влияние на взаимоотношения религии и глобализации: поле религии, поле политики и массово-коммуникационное поле. Наиболее жесткое противостояние процессам глобализации на основе религиозного вероучения наблюдается в поле религии. В поле политики наблюдается тенденция к идеологизации религии. В этом поле отмечается высокий накал политической борьбы за символическую власть религиозных, политических и иных взглядов. В массово-коммуникационном поле заметны тенденция к упрощению и взаимозаменяемости религий, формирование «усредненной» экуменической религии или новых религиозно-психологических движений.

Ключевые слова: Глобализация, религия, теория социальных полей, системный подход, суперсистема.

Трудно найти еще одну столь же популярную тему, как глобализация в исследованиях общества в настоящее время. При этом редкая статья обходится без констатации противоречивости процесса глобализации и наличия разнонаправленных векторов развития глобализирующегося общества. Например, С.Е. Юрков, ссылаясь на Ж. Маритена указывает, что «одним из сопутствующих «перформансов» глобализации оказывается не интеграция (кооперация), но разрастание объема противостоящих полюсов. Увеличению могущества одного полюса тут же (как очередной антитезис) начинает противодействовать раздробленная сеть мелких террористических группировок мусульманско-реформаторского (салафитского, т. е. еретического) толка, в свою очередь, также обретших консолидацию в идее построения единого мусульманского халифата» [1, с. 34]. М.С. Городнёва отмечает: «Можно выделить нечто общее в стратегиях глобализации: тенденцию становления единого, глобального; противоположную, столь же объективную тенденцию локализации обществ» [2, с. 13]. Об амбивалентном единстве религии и глобализации говорит Е.С. Элбакян: «Нельзя дать однозначную оценку роли религии в процессе глобализации, с одной стороны, и влияния процесса глобализации на саму религию, с другой. Это амбивалентное единство весьма противоречиво и многоаспектно [3, с. 161].

Ход мысли исследователей вполне понятен. Ведь глобализация (уже исходя из определения) охватывает все стороны жизни современного общества. Подчеркивая специфику этого периода в развитии человеческой цивилизации, естественно изучать его с позиции холизма. Однако не все процессы в рамках глобализации развиваются равномерно и однонаправленно, отсюда и неоднозначность и противоречивость выводов исследователей об этом процессе, когда, например, тенденции к нивелированию государственности и национальных особенностей соседствуют с ростом национализма, а тенденции к нивелированию культурной специфики обществ – с их обособлением, секуляризация – с возрождением религиозности и др. Легко заметить, что амбивалентность выводов исследователей снижает их эвристичность.

Чтобы разобраться в этом хитросплетении тенденций, на наш взгляд, необходимо помнить о двух вещах. Во-первых, согласно системному подходу глобализация – суперсистема, включающая целый ряд других систем (экономическую, политическую, идеологическую, духовную и др.). Каждая из этих систем сложна, и помимо тенденций, вызванных глобализацией, для каждой из систем характерны тенденции, обусловленные внутренней логикой её развития. Особенно это касается систем, опосредованно связанных с экономикой, где часто проходят процессы, охватывающие межструктурные взаимодействия. Характерный пример – исламский ренессанс. «Главный вызов, породивший нынешний общий «ренессанс» [религий] и «исламский ренессанс» в том числе ... находится вовне сферы собственно межконфессиональных отношений. Этим вызовом, вероятно, является уже упомянутая тенденция к секуляризации и квазирелигиозной мотивации многих базовых ценностей и повседневных практик современных обществ, составляющая своего рода стержень всего процесса глобализации» [4, с. 82].

Во-вторых, в работах, где проводится анализ проявлений глобализации в культуре, исследователи часто абстрагируются от мысли, что глобализация – прежде всего экономический процесс. Следовательно, и в исследованиях соотносённость с экономическим дискурсом является ведущей (даже если предмет исследования не предполагает прямой взаимосвязи с экономикой, если, например, исследуется область идеологии или религии). Экономический дискурс – центральный элемент данной системы. Например, корейские исторические драмы, являясь фактом глобализированной массовой культуры, вместе с тем (ориентируясь на их экономическую составляющую) представляют собой товар глобального производства продуктов массовой культуры. Поэтому попытка увидеть в них реальное отражение истории этой страны заведомо утопична. История (как и вообще культура) в процессах глобализации занимает подчиненное положение перед фактом потребительского спроса на любой культурный артефакт как на товар.

Это положение нуждается в пояснении. Одним из определений глобализации, опирающихся на экономику, является представление о глобализации как интеграции капитала. Особенность этой интеграции, по сравнению с другими периодами развития капитализма, состоит в её информационно-технологической составляющей. Отправной точкой интенсификации эксплуатации капитала на этапе глобализации стали компьютерные информационные технологии, превратившие мир в «глобальную деревню» [5], в которой материальный и человеческий капитал теряет пространственное измерение и становится поистине глобальным. Информационные технологии, давая возможность мгновенно передавать информацию в любую точку планеты, необратимо меняют не только географическое, но и социальное пространство. Возникает новый «глобальный театр» [6], где роли диктует слуховизуальная телекультура, а «человек массы» переходит от потребления к производству информации, и люди в гораздо большей степени проникают в жизнь друг друга. Основанные на электричестве информационные техно-

логии тем самым упраздняют практическую значимость линейного пространства и времени. Таким образом, пространство утрачивает физическое измерение и становится виртуальным, сопоставимым с областью действия компьютерных технологий. Человек в таком пространстве больше не привязан к определенной географической местности. Глобализация продолжила эту эмансипацию человека от пространства, предоставив ему рабочие места по всему миру, вне государственных границ. Человек будущего имеет все шансы вернуться на новом витке истории к кочевому образу жизни, стать «гиперкочевником в гиперимперии» [7]. Глобализация приведет к тому, что больше не будет пространства на Земле, к которому человек был бы привязан. Жак Аттали так описывает это общество: «Гиперкочевники будут руководить открытой империей без почвы, без центра – *гиперимперией*. Никто не будет больше лоялен ни к кому, кроме самого себя; предприятия не будут больше иметь никакой национальной принадлежности; бедные создадут рынок среди других; законы будут заменены контрактами, правосудие – арбитражем, полиция – наемниками. Установятся новые различия: пока оседлые развлекаются при помощи зрелищ и спортивных мероприятий, огромные массы кочевников нищеты – *инфракочевников* – будут преодолевать границы в поисках средств к существованию. ... Ресурсы станут все более редкими, роботы – все более многочисленными. ... В один и тот же день каждый сможет сам себя починить, затем произвести протезы из самого себя, и, наконец, быть клонированным. Человек превратится в артефакт, потребляющий другие артефакты; в каннибала, поедающего каннибальские предметы; в жертву кочевых зол» [7, p. 165].

Пространство, утрачивая свои географические характеристики, становится в гораздо большей степени социальным, пространством взаимодействия (коммуникации). Можно сказать, что перемены принес не только сам факт появления новых технологий, объединяющих мир в глобальной деревне, но и (что более важно) то информационное содержание, которое транслируется при помощи этих технологий.

Следовательно, в качестве отдельных систем, составляющих суперсистему «глобализация», необходимо выбрать информационные системы, специфичные по содержанию и по отношению к другим системам. Мы опирались на идею П. Бурдьё об особых полях взаимодействия, содержащих определенный дискурс, не сводимый к дискурсу, являющемуся содержанием других полей. Для теории поля (социального и физического) принципиально важно взаимодействие между отдельными элементами, в случае социального поля – между группами социальных субъектов, без которых поле существует лишь в потенции: «поле без элементов – это только потенциал для создания мощи» [8, p. 40].

Для теории поля также принципиально важно, что взаимодействие между субъектами в поле происходит по поводу приращения особого вида капитала – символического. Как отмечает Б. Лаер, «даже в дифференцированных обществах не каждый соответствующий контекст действий обязательно является полем. Поля универсальны для господствующих классов или элит. Они – «области силы» (как ясно показал Бурдьё). Это вселенные, которые организуют постоянную борьбу за присвоение конкретного капитала – политического, публицистического, религиозного, научного, экономического, художественного, литературного и др. [9, p. 63].

В этой связи Бурдьё выделяет целый ряд полей, в том числе поле экономики, политики, религии, общественных наук и журналистики и др. Список, безусловно, не является исчерпывающим и определяется позицией исследователя. Например, для глобализации как экономического явления логично было бы выделить в качестве отдельного элемента (не сводящегося к полю общественных наук) поле экономических коммуни-

каций, а также, возможно, собственно поле глобализации и т. д. Внутри поля всегда существуют определенный круг проблем, который составляет его содержание, и противопоставление – противоположные точки зрения на обсуждаемую проблему, которые по принципу операциональной закрытости, сформулированному Н. Луманом, замыкают (и конструируют) систему. П. Бурдьё поясняет это так: «По причине того, что в основе структуры любых символических систем, к примеру религии, всегда заложен принцип деления, они способны упорядочивать природный и социальный мир не иначе как путём их разбиения на антагонистические классы – одним словом, они порождают смысл и консенсус о смысле с помощью логики включения и исключения» [10, р. 297].

Уточняя концепцию социальных полей применительно к изучению глобализации, необходимо сказать следующее: по Бурдьё, социальное поле – бесструктурное пространство взаимодействия сил. При переходе от одного поля к другому его логика и тезаурус полностью меняются. Однако изучение взаимодействий акторов, находящихся в этом поле, требует представления о группах акторов, составляющих это поле, а значит, и о его структуре. Вариант такой структуры, которая включает ядерную часть поля, задающую повестку дня и дискурсивные матрицы, а также следующие установленным правилам дискурса среднюю часть и периферию, был нами представлен в работе [11]. Кроме того, П. Бурдьё различает социальные поля специалистов, обладающих специальным знанием и использующих его в повседневной практике, и неспециализированные смысловые подуниверсумы. Он пишет: «"Символические системы" различаются главным образом по тому, произведены ли они и усвоены всей группой или, напротив, только корпусом специалистов, а точнее относительно автономным полем производства и обращения» [12, с. 93]. На наш взгляд, также принципиально важно для объяснения процесса конструирования в социальной реальности нового глобализованного мира выделение такого поля, которое объединяет в дискурсе не специалистов (т. е. людей, глубоко знающих предмет обсуждения), а массовую аудиторию, знающую предмет обсуждения поверхностно, «понаслышке». Данное поле может быть названо неспециализированным, или полем массовой коммуникации (не путать с полем журналистики!).

Итак, на наш взгляд, глобализация представляет собой суперсистему, в которой относительно её информационной составляющей могут быть выделены поля политики, религии, общественных наук, журналистики, а также неспециализированное (массово-коммуникационное) поле и другие, различающиеся специфическим дискурсом.

Одними из наиболее сложных взаимоотношений в данной суперсистеме видятся взаимоотношения глобализации и религии, в которых соседствуют тенденции к расширению паствы всех конфессий, признание объективности процесса глобализации и неприятие форм, в которых осуществляется современная глобализация. Попробуем применить описанную выше методологию анализа коммуникационных полей к объяснению взаимоотношений между религией и глобализацией.

Наиболее полно современные конфессии представлены в полях религии, политики и массово-коммуникационном поле. С введением специальности «теология» в перечень научных специальностей ВАК РФ в России создан прецедент к поиску теологией своего места также в поле общественных наук, но говорить о каких-либо тенденциях в данном случае преждевременно. Однако исследования на материале других стран позволяют говорить о том, что существенного влияния на процесс глобализации данные работы не оказывают. П. Бурдьё отмечает «университетскую» закрытость теологии: «Борьба за завоевание духовного авторитета, ведущаяся в относительно автономном субполе учёных (теологов), которые пишут для других учёных и в процессе своих интеллектуальных поисков приходят к схизматическим позициям в области доктрины или

догмы, по определению не выходит за рамки «университетского» мира» [10, р. 321]. А интерпретации религиозных доктрин теологами он называет «преобразованием того, что можно назвать клерикальными схизмами, в народные ереси» [10, р. 321], что имеет отношение к массово-коммуникационному дискурсу, а также «о смеси параллельного изобретения и деформирующей переинтерпретации, сопровождающихся поиском научного подтверждения и обеспечения» [10, р. 321] – и здесь речь идет уже о правилах общенаучного дискурса.

Рассмотрим традиционный религиозный дискурс, составляющий поле религии на основе противопоставления содержания различных религиозных учений, как, например, христианство и буддизм, или православие, католицизм и протестантизм, а также ортодоксальная религия и ересь. Поле религии является «рынком ценностей спасения» [10, р. 318], где каждая из конфессий предлагает собственные методы спасения души. Автономность поля религии по П. Бурдьё основана на наличии самореферентной суммы религиозного знания. Специфичность этого знания основана на монополии священнослужителей в обладании правом вступать в отношения со сверхчувственным миром: «Эти служители получают социальное признание в качестве эксклюзивных носителей специфической компетенции, необходимой для производства и воспроизводства специально организованной совокупности тайных (а значит, редких) знаний, что объективно связано с исключением из этого пространства всех тех, кто наделяется статусом мирянина (или профана, в двойном смысле слова), лишённого религиозного капитала (как итога символической работы) и признающего законность этой экспроприации, поскольку не замечает её как таковую» [10, р. 304]. Поэтому автономное поле религии с необходимостью включает в себя не всех верующих, а лишь тех, кто обладает достаточным объемом соответствующих специальных знаний, понимающих и глубоко изучающих вопросы веры. В глобализирующемся обществе в силу его ориентации на массовое знание, поле религии немногочисленно. Это показывают и данные опросов общественного мнения. Например, несмотря на то, что православными называют себя 75 % жителей России, только 84 % из них являются крещеными, а с содержанием Священного Писания знакомы 54 % последователей православия [13]. Правила религиозной жизни, например Великий пост, полностью соблюдают 4 % православных россиян, частично – 22 % [14]. Специфично также содержание дискурса поля религии по отношению к глобализации. Нередко этот дискурс противоречит установкам массового сознания. Например, понимание диалога как универсального способа решения сложных вопросов противоречит точке зрения акторов, составляющих поле религии о том, что диалог церковей (как внутрехристианский, так и межконфессиональный) невозможен, поскольку другие верующие и конфессии стоят на принципиально различных (не сводимых друг к другу) позициях. Например, мусульмане, которые почитают Христа как одного из пророков, или католики, верящие в земной миссионерский путь Христа как богочеловека, имеют принципиально иной предмет веры, чем православные христиане, верящие в воскресение Христа. И в этом смысле предлагаемый в политических целях межконфессиональный диалог для католиков, мусульман и христиан означает, что кто-то из них должен поступиться собственным предметом веры, тем самым разрушив свою религию. Итак, поле религии нельзя назвать собственно глобалистским дискурсом ни по количеству акторов, ни по содержанию сообщений, которые в нем транслируются. Основной тезис, который звучит в поле религии в связи с глобализацией, – ожидание Апокалипсиса (глобализация – подготовка к Апокалипсису), противопоставление Мессии и Антихриста. Применительно к полю религии также стоит согласиться с тезисом о том, что «религия оказывает мощное сопротивление унифицирующим процессам гло-

бализации» [15, с. 47] с той только оговоркой, что этот вывод касается исключительно поля религии и не имеет отношения к дискурсу других полей.

Церковь не ограничивается собственно религиозными функциями – духовным окормлением верующих и решением мировоззренческих вопросов. Зачастую она выступает в качестве политического актора в поле политики. Это исторически сложившаяся роль, показывающая высокую степень влияния мировоззрения на политику. Это религиозная работа, «которую выполняют специализированные, наделённые (а иногда нет) институциональной властью производители и выразители определённого типа дискурса и практик, чтобы удовлетворять особую категорию нужд, свойственных некоторым социальным группам» [10, р. 299]. Наиболее показателен пример Ватикана как воплощение политической роли католической церкви. Можно вспомнить в этой связи и современные теократические государства. Например, большинство конфессий современной России имеют «социально-политические концепции», в части реализации которых они вступают в поле политики, действуя на правах любой из партий или общественных организаций, предлагающих свои проекты развития современной России. В этой связи необходимо упомянуть и такую идеолого-политическую концепцию, как «Русский мир» Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Конфессии на этом поле противоположны взглядам других церквей как политических акторов наряду с идеологией политических партий и общественных организаций, объединений граждан. Вопросы веры в этом дискурсе отходят на второй план, основой являются политические и социально-экономические вопросы, а религиозные нормы обсуждаются наравне с проблемами морали. В этом поле среди церквей ведётся борьба за духовное и идеологическое лидерство по правилам политического дискурса. Основной идеей, вокруг которой сегодня строится эта борьба, является идея «папской глобализации», указывающая на лидерство Ватикана как церковно-политической организации в распространении идеологии глобализации в мире. Однако религиозный дискурс в поле политики по определению не является определяющим: и содержание дискурса, и форма его представления укладываются в представления о политической борьбе. В этом смысле глобализация является настолько же «папской», насколько «митрополитской» или «единороссовской», или «профсоюзной». Таким образом, тенденции развития глобализации в этом поле определяются нерелигиозными организациями или определяются ими лишь в той мере, в какой религия становится политикой. Говоря о тенденциях глобализации, характерных для религиозных организаций в поле политики, стоит назвать следующие: прежде всего, мобилизация группы верующих, не обладающих всей массой знаний о соответствующем вероучении, для определенных политических действий. На это указывает, например, П. Байер: «Религиозные движения подобно иранской революции хотят решить все общественные проблемы посредством предоставления религии и ее ценностям первенствующей роли в системе функциональных общественных сфер [16, р. 87]. В поле политики разворачивается и феномен «религиозного возрождения»: «под видом религиозного возрождения формируется «символический капитал» культурной глобализации и, соответственно, осуществляется ее «символическая власть» [17, с. 190]. Одной из тенденций геополитики на основе тезиса о стирании границ между религиями и объединения их в виде некоего общеморального императива является унификация дихотомии «Восток–Запад»: «очевидно, что как культурные и ментальные феномены «Восток» и «Запад» если и не исчезнут целиком, то во всяком случае настолько сблизятся, что между ними не будет уже того различия, которое свойственно им в настоящее время, не говоря уже обо всех предшествующих веках» [18, с. 64].

Религия как органическая часть культуры входит в поле культуры преимущественно в форме моральных норм и ценностей. Часто говорят о культурной глобализации как об особом явлении. Однако в силу преобладания в поле культуры большого количества субполей, не сводимых друг к другу (хотя и оказывающих друг на друга ощутимое влияние), вряд ли можно говорить о преобладающем влиянии религии в ряду других явлений культуры. Эту ситуацию применительно к глобализации, на наш взгляд, достаточно точно описала Е.Б. Поканинова: «мировые религии, оказывая друг на друга взаимное влияние, создают особое пространство поликонфессиональной духовной культуры, которая впитывает, в свою очередь, элементы национального фольклора и культуры народной» [19, с. 13].

И, наконец, стоит уделить внимание крайне важному для глобализации массово-коммуникационному полю, которое определяет динамику процесса: «В основе динамики религиозного поля и, соответственно, изменений в религиозной идеологии лежат отношения сделки, устанавливающиеся между специалистами и мирянами на базе различных интересов, а также отношения конкуренции, противопоставляющие различных специалистов внутри поля религии» [10, р. 315]. Воздействие массово-коммуникационного поля на динамику глобализации определяется двумя его характерными чертами: массовостью и отсутствием специализации (т. е. глубоких знаний по религиозным верованиям, выступающих как основание для дискуссии в этом поле). Массовость предопределяет решающее влияние на любой из проектов глобализации (в т. ч. религиозной), который обсуждается в специализированных полях. А отсутствие специальных знаний означает трансформацию смысла, которую неизбежно претерпевает любой предмет обсуждения, попадающий в это коммуникационное поле. В массово-коммуникационном поле создается некий информационный продукт, который был бы удобен для восприятия усредненной аудиторией и не требовал от неё усилий по длительному изучению вопроса. Распространение любой религиозной идеи в этом поле ведет к её переинтерпретации. И чем более массовым становится распространение религиозного верования, тем больше новых интерпретаций («искажений», ересей) возникает. Происходит так называемая «вульгаризация» вследствие оглашения». Глобализация, сделавшая информационные потоки максимально интенсивными, приводит вместе с тем к «вульгаризации» религиозных учений, упрощая их и интерпретируя в соответствии с законами производства общества потребления. В этом поле возникают новые религиозные движения. П. Кларк отмечает, что коммуникационная революция создала «киберпространство как место встреч и открытий, способствующее росту плюрализма и религиозных взаимодействий и создающее таким образом потенциал для инноваций. Многие из тех, кто находится в поиске духовности, образуют своего рода сообщество невоцерковленных и неверующих в традиционном понимании. НРД (новые религиозные движения, такие как сайентология или Нью-Эйдж, основанные на сочетании религии и психологии, предлагают своим адептам такое мировоззрение, согласно которому каждый практикующий может достичь полной самореализации уже в настоящем» [20, с. 20].

В связи с этим большая и важная часть религиозных смыслов в массовом коммуникационном поле утрачивается. Информация, ставшая в постиндустриальном обществе товаром и средством производства одновременно, имеет тенденцию изменяться согласно логике товарного производства. И точно так же, как «глобальное» (т. е. продающееся в фаст-фудах всего мира) суши имеет мало общего с традиционной японской едой, а олицетворяет лишь «идею товара», пустой знак, который каждый может изменить по своему вкусу (например, суши с беконом), своего рода «симулякр суши», так и

религия в массово-коммуникационном поле меняется на «симулякр религии». В этом ряду одна из глобальных тенденций – виртуализация религии. В частности, феномен «кибермусульманства», когда можно стать мусульманином одним нажатием кнопки на клавиатуре компьютера. Вместе с тем и ценность такой религии для человека падает. Такой «глобализированный» прихожанин может с легкостью отказаться от ислама и перейти в православие лишь потому, что «в православных храмах красиво и батюшки так душевно поют». В массово-коммуникационном поле религиозные представления неизбежно упрощаются и стереотипизируются, а действия религиозных деятелей оцениваются с позиции здравого смысла и современных моральных норм. Религиозные системы массовому человеку часто видятся как собрание моральных законов, общих для всех религий, отсюда идея экуменизма, своего рода глобальной религии, «симулякра» традиционных религий.

Итак, применив системный подход к анализу глобализационных процессов в религиозной подсистеме общества, мы выявили социальные поля, оказывающие наиболее существенное влияние на взаимоотношения религии и глобализации: поле религии, поле политики и массово-коммуникационное поле. Наиболее жесткое противостояние процессам глобализации на основе специализированного знания (религиозного верования) наблюдается в поле религии. Однако поле религии относительно немногочисленно. Влияние на другие поля осуществляется во многом не столько содержанием дискурса, сколько авторитетом акторов, составляющих это поле. В поле политики наблюдается тенденция к идеологизации религии, например «справедливой православной глобализации» в противоположность диктату Ватикана («папской глобализации»). В этом поле отмечается высокий накал политической борьбы за символическую власть религиозных, политических и иных взглядов. В массово-коммуникационном поле заметна тенденция к упрощению и взаимозаменяемости религий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юрков С.Е. Глобализация как «мета-нарратив» современной истории // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2016. – № 1 (17). – С. 33–41.
2. Городнёва М.С. Глобализация и феномен религиозного // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2015. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 13–16.
3. Элбакян Е.С. Глобализация в эпоху религии, религия в эпоху глобализации // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 149–162.
4. Мирзаханов. Д.Г. Понятия «глобализация» и «исламский ренессанс» в научном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». – 2016. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 77–84.
5. McLuhan M. *Letters of Marshall McLuhan*. – Toronto; Oxford; New York: Oxford University Press, 1987. – 562 p.
6. McLuhan M. *Understanding Media: the Extensions of Man*. – Cambridge; London: MIT Press, 1994. – 355 p.
7. Attali J. *A brief history of the future: a Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century*. – New York: Arcade Publishing, 2009. – 291 p.
8. Martin J. L., Gregg F. Was Bourdieu a field theorist? // Hilgers M., Mangez E. *Bourdieu's Theory of Social Fields. Concepts and applications*. – London; New York: Routledge, 2015. – P. 39–101.
9. Lahire B. The limits of the field. Elements for a theory of the social differentiation of activities // Hilgers M., Mangez E. *Bourdieu's Theory of Social Fields. Concepts and applications*. – London; New York: Routledge, 2015. – P. 62–101.
10. Bourdieu P. Genese et structure du champ religieux // *Revue française de sociologie*. – 1971. – № XII. – P. 295–334.
11. Федотова М.Г. Коммуникационные поля транзитивного общества // Вестник РГГУ. – 2012. – № 17. – С. 180–188.
12. Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»: Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.

13. ВЦИОМ: Православными себя считают 75 % россиян // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/20100330161117.shtml> (дата обращения 11.08.2018).
14. В ожидании светлого праздника Пасхи // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=574> (дата обращения 11.08.2018).
15. Косиченко А.Г. Глобализация и религия // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 47–58.
16. Beyer P.F. Privatization and public influence of religion society // Globalization: Critical concepts in sociology / ed. by R. Robertson, K. White. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – V. 5. – P. 71–90.
17. Колядко Н.С., Колядко И.Н. Культурная глобализация и феномен религиозного возрождения // Религия и общество. Сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции. – Могилёв: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2017. – С. 188–190.
18. Бейшенова А.Т. Глобализация и дихотомия «Восток–Запад» // Вестник КРСУ. – 2016. – Т. 16. – № 4. – С. 62–64.
19. Поканинова Е.Б. Влияние мировых религий на формирование поликультурного пространства России в условиях глобализации (философско-культурологический анализ) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 2. – С. 13–18.
20. Clarke P. New religion in global perspective. – L.; N.Y.: Routledge, 2006. – 385 p.

Поступила 15.08.2018 г.

RELIGION IN THE GLOBAL SUPERSYSTEM

Marina G. Fedotova,
fmg@bk.ru

Omsk State Technical University,
11, Mira Avenue, Omsk, 644050, Russia.

Marina G. Fedotova, Dr. Sc., professor, Omsk State Technical University.

The relevance of the research is related to the complexity and ambiguity of globalization in the religious sphere, as well as the need to search for new methods of globalization research, which are not limited to ascertaining its objectivity and ambivalence, transferring positive and negative sides. **The aim** of the work is to justify the application of the system approach and P. Bourdieu theory of social fields for analysis of globalization in religious discourse. **Methods.** The system and structural-functional analysis of social fields used in the work allowed us to identify areas of discourse that differ in the aims of actors, social functions and the content of religious discourse about globalization. **Results.** The author has revealed the social fields that have the most significant impact on the relationship between religion and globalization: the field of religion, the field of politics and the mass communication field. The most severe opposition to globalization on the basis of religious dogma is observed in the field of religion. In the field of politics there is a tendency to ideologize religion. In this field there is a high intensity of political struggle for the symbolic power of religious, political and other views. In the mass-communication field there is a noticeable tendency towards simplification and interchangeability of religions, the formation of an «average» ecumenical religion or new religious-psychological movements.

Key words: Globalization, religion, theory of social fields, system approach, supersystem.

REFERENCES

1. Yurkov S.E. Globalization as a «meta-narrative» of modern history. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, 2016, no. 1 (17), pp. 33–41. In Rus.
2. Gorodneva M.S. Globalization and the phenomenon of religious. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika»*, 2015, vol. 15, Iss. 3, pp. 13–16. In Rus.
3. Elbakyan E.S. Globalization in the era of religion, religion in the era of globalization. *Religiovedenie*, 2013, no. 3, pp. 149–162. In Rus.
4. Mirzakhonov D.G. The concepts of «globalization» and «Islamic renaissance» in scientific discourse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Sotsiologiya. Politologiya»*, 2016, vol. 16, Iss. 1, pp. 77–84. In Rus.
5. McLuhan M. *Letters of Marshall McLuhan*. Toronto, Oxford, New York, Oxford University Press, 1987. 562 p.
6. McLuhan M. *Understanding Media: the Extensions of Man*. Cambridge; London, MIT Press, 1994. 355 p.
7. Attali J. *A brief history of the future: a Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century*. New York, Arcade Publishing, 2009. 291 p.
8. Martin J.L., Gregg F. Was Bourdieu a field theorist? Hilgers M., Mangez E. *Bourdieu's Theory of Social Fields. Concepts and applications*. London; New York, Routledge, 2015. pp. 39–101.
9. Lahire B. The limits of the field. Elements for a theory of the social differentiation of activities. Hilgers M., Mangez E. *Bourdieu's Theory of Social Fields. Concepts and applications*. London; New York, Routledge, 2015. pp. 62–101.
10. Bourdieu P. Genese et structure du champ religieux [Genesis and structure of the religious field]. *Revue française de sociologie*, 1971, no. XII, pp. 295–334. In Fr.

11. Fedotova M.G. Communication fields of a transitive society. *Vestnik RGGU*, 2012, no. 17, pp. 180–188. In Rus.
12. Burde P. *O televidenii i zhurnalistike* [About Television and Journalism]. Moscow, Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kultury», Institut eksperimentalnoy sotsiologii Publ., 2002. 160 p.
13. *VTsIOM: Pravoslavnymi sebya schitayut 75 % rossiyan* [VTsIOM: 75% of Russians consider themselves Orthodox]. RBK. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/20100330161117.shtml> (accessed 11 August 2018).
14. *V ozhidanii svetlogo prazdnika Paskhi* [In anticipation of a bright Easter holiday]. All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM). Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=574> (accessed 11 August 2018).
15. Kosichenko A.G. Globalization and religion. *Vek globalizatsii*, 2013, no. 1, pp. 47–58. In Rus.
16. Beyer P.F. Privatization and public influence of religion society. Globalization: Critical concepts in sociology. Eds. R. Robertson, K. White. L.; N.Y., Routledge, 2004. Vol. 5, pp. 71–90.
17. Kolyadko N.S., Kolyadko I.N. Kulturnaya globalizatsiya i fenomen religioznogo vrozozhdeniya [Cultural globalization and the phenomenon of religious revival]. *Religiya i obshchestvo. Sbornik nauchnykh statey XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Religion and society. Collection of scientific articles of the XI International Scientific and Practical Conference] Mogilev, Mogelev State University named after A.A. Kuleshov Publ., 2017. pp. 188–190.
18. Beyshenova A.T. Globalizatsiya i dikhotomiya «Vostok–Zapad» [Globalization and dichotomy East-West]. *Vestnik KRSU*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 62–64.
19. Pokaninova E.B. The influence of world religions on formation of multicultural space of Russia in the conditions of globalization (philosophical and cultural analysis). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2011, no. 2, pp. 13–18. In Rus.
20. Clarke P. *New religion in global perspective*. L.; N.Y., Routledge, 2006. 385 p.

Received: 15 August 2018.